

Экзотическая проблематика в заглавиях стихотворных текстов: «Жираф» Н.С. Гумилева и «Без названия» Б.Л. Пастернака

Exotic issues in the titles of poetic texts: «Giraffe» by N.S. Gumilev and «Untitled» by B.L. Pasternak

Казмирчук О.Ю.

Канд. филол. наук, доцент, ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет», г. Москва
e-mail: kazmirchuk@yandex.ru

Kazmirchuk O.Yu.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University, Moscow
e-mail: kazmirchuk@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются стихотворения Н.С. Гумилева и Б.Л. Пастернака, в которых ведущим мотивом становится мотив преображения мира, предпринимаемого героем ради возлюбленной. Идея преображения реализуется и в необычных (оригинальных, экзотических) названиях этих стихотворных текстов.

Ключевые слова: Н.С. Гумилев, «Жираф», Б.Л. Пастернак, «Без названия», мотив преображения мира, экзотическое название.

Abstract

The article analyzes the poems of N.S. Gumilev and B.L. Pasternak, in which the motive of the transformation of the world, undertaken by the hero for the sake of his beloved, becomes the leading motive. The idea of transformation is also realized in the unusual (original, exotic) titles of these poetic texts.

Keywords: N.S. Gumilev, «Giraffe», B.L. Pasternak, «Untitled», the motif of the transformation of the world, an exotic name.

Введение

Мне бы хотелось поговорить, а двух поэтических версиях монолога, обращённого к любимой женщине, поговорить о стихотворении Н.С. Гумилёва «Жираф» (1907 г., «Романтические цветы») и стихотворении Б.Л. Пастернака «Без названия» (1956 г., «Когда разгуляется»). При этом, в первую очередь, меня будут интересовать названия текстов, ведь в названии любого произведения репрезентируются основные художественные и эстетические пристрастия автора [15, с. 73], а названия стихотворений Гумилева и Пастернака по-своему необычны, оригинальны, а значит, достойны особого внимания.

В заглавие стихотворения Гумилева вынесена номинация экзотического животного (как утверждают биографы поэта, стихотворение было написано после того, как Гумилев увидел жирафа в парижском Зоологическом саду [18, с. 105]), заглавие стихотворения Пастернака вообще представляется эпатирующим (читателям привычна практика использования трех звездочек, демонстрирующих отсутствие названия текста, но вынесение в название словосочетания «Без названия» встречается очень редко, можно вспомнить рассказ

Б. Пильняка, датированный 1926 г. [15, с. 74], позднее ту же словесную формулу использовал Г. Айги [14, с. 114]).

Поэтические произведения Гумилева и Пастернака уже соотносились литературоведами: сравнивались предпринятые обоими поэтами попытки переосмысления базовых постулатов символизма (литературного направления, господствовавшего в России на рубеже XIX–XX вв.) [8, с. 377–380], сравнивались трактовки канонических и неканонических поэтических жанров в творчестве каждого из авторов [7, с. 364], различные стихотворения Пастернака сравнивались с «Шестым чувством» Гумилева [7, с. 236–242], ведь именно «Шестое чувство» Б. Пастернак достаточно подробно характеризовал в автобиографической прозе «Охранная грамота» [8, с. 219, 266]. Но стихотворения «Жираф» и «Без названия», неплохо изученные и неплохо описанные [1, с. 132–136; 7, с. 83, 315, 363; 10, с. 258–273], до сих пор не сравнивались, хотя у указанных текстов достаточно много общего: лирический сюжет (разговор героя с возлюбленной и попытка героя преобразовать внешний мир ради той самой возлюбленной); существование реального прототипа лирической героини (в стихотворении Гумилева это А.А. Ахматова, книге стихов «Романтические цветы» было предпослано посвящение: «Анне Андреевне Горенко», образ Анны Горенко возникает во многих стихотворениях книги [1, с. 131; 2, с. 467; 18, с. 112–116], в стихотворении Б.Л. Пастернака речь идет об О.В. Ивинской, о чем впоследствии с гордостью вспоминала сама Ольга Всеолодовна [9, с. 54–55; 6, с. 118; 7, с. 363]), сближает оба текста и уже отмеченная экзотичность их названий. Далее я попытаюсь сравнить оба текста, уделяя особое внимание поэтике заглавий.

Стихотворение Н.С. Гумилева «Жираф» (первоначально названия не имевшее) представляет собой развернутый монолог лирического героя, монолог, обращённый к героине [1, с. 132–133; 10, с. 259]. Стихотворение начинается с краткого описания облика героини: «Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд...» [3, с. 103], потом лирический герой Гумилева пытается развлечь любимую рассказом о диковинном животном, о жирафе: «Послушай, далёко, далёко, на озере Чад / изысканный бродит жираф» [3, с. 103]. Нетрудно заметить, что рассказ о жирафе (по крайней мере, первые его фрагменты) строится на основе традиционных элементов сказочного сюжета: повествование начинается с названия места действия, активно используются повторы. Необычен и «заглавный» герой рассказываемой истории, жираф (справедливости ради стоит заметить, что наличие «заглавных» героев свойственно текстам, принадлежащим к жанру сказки).

Необычность (оригинальность) образа гумилевского жирафа обусловлена несколькими причинами:

- во-первых, жираф в принципе не являлся традиционным героем стихотворений русских поэтов, он не входил в русский поэтический «бестиарий»;
- во-вторых, в тексте Гумилева жирафу дается неожиданное (вроде бы даже неподходящее) определение: «изысканный».

Вся последующая характеристика героя-животного представляет собой «разворачивание», «расшифровку» столь необычного эпитета, замечу в скобках: словосочетание «изысканный жираф» со временем становится перифразическим наименованием самого Гумилева, так написанная Р.Н. Ивановым-Разумником статья о творчестве Гумилева называется «Изысканный жираф» [13, с. 464–466].

Прилагательное «изысканный» означает «изящный, тонкий», это прилагательное в русской языковой парадигме традиционно сочетается с неодушевленными существительными, характеризующими превосходные вкусовые качества, превосходные ароматы или особую манеру поведения, в художественном универсуме стихотворения Гумилева выбор такого необычного эпитета способствует соотнесению образа жирафа с образом героини. Последующее описание жирафа также основано на характеристиках, ассоциирующихся с женским началом как таковым, в стихотворении используются существительные «грациозность», «стройность», «нега» и т.д., вероятно, тем самым

лирический герой Гумилева пытается «приблизить» описываемый им мир к реальности женщины-героини.

Примечательно и ещё одно обстоятельство: в двух четверостишиях, посвящённых описанию жирафа, слово «жираф» (ставшее названием стихотворения) вообще не используется, оно заменяется местоимениями. Герой-рассказчик пытается описать неведомое героине животное посредством тех категорий, которые ей знакомы, близки. Герой сравнивает жирафа с парусами корабля, сравнивает пятна на его шкуре с луной, движение жирафа – с полетом птицы (о сравнениях такого типа подробнее см. в статьях Н.М. Девятовой [4, с. 52–53; 5, с. 349–350]). Лирический герой Н.С. Гумилева, стремясь порадовать возлюбленную, создает абсолютно новое (почти сказочное) животное, которому не слишком подходит общепринятое название «жираф», неслучайно герой старается по возможности избегать этого слова. Когда же использовать слово «жираф» необходимо, к нему «добавляется» оригинальный эпитет (то самое прилагательное «изысканный»).

Тем любопытнее, что слово «жираф» все же становится названием стихотворения (я имею в виду его канонический вариант, поскольку первоначально этот гумилевский текст входил в состав цикла «Озеро Чад» и не был озаглавлен [13, с. 509; 10, с. 258]). Можно предположить: существительное «Жираф» было вынесено в название потому, что автора привлекала его потенциальная «экзотичность», «чужестранность», «чужеродность», что в полной мере соответствовало эстетике романтизма и символизма (здесь уместно напомнить: поэтический сборник Н.С. Гумилева называется «Романтические цветы»).

Когда лирический герой Гумилёва осознаёт, насколько его собственный (яркий, сказочный) мир отличается от дождливого, грустного мира героини (об этих отличиях убедительно пишет Д.М. Магомедова [12, с. 152]), он одновременно осознает и потенциальную невозможность полноценного рассказывания другому (другой) о вещах, значимых для самого рассказчика: «И как расскажу я тебе про тропический сад...» [3, с. 104].

Герой не находит решения, он вновь собирается рассказать о необычном жирафе (Гумилев прибегает к так называемой «кольцевой» композиции, популярной в русской поэзии серебряного века [11, с. 56]).

Итак, стихотворение Н.С. Гумилёва строится на основе нескольких мотивов: разговор героя с огорчённой героиней, попытка утешить возлюбленную, изобретение ради возлюбленной нового мира (стремление по-новому увидеть и по-новому описать жирафа) и финальное поражение героя: ему не удается увлечь и развеселить героиню. В этом контексте существительное «жираф», вынесенное в название текста, становится номинацией того самого мира, который пытается «преобразить» и «подарить» героине лирический герой.

Похожий набор мотивов (грустная героиня, обращение героя к героине, отсылка к сказочным сюжетам, стремление героя «переназывать» мир в угоду любимой) используется Б.Л. Пастернаком в стихотворении «Без названия» (1956 г.).

Стихотворение «Без названия», как и гумилёвский «Жираф», начинается с описания героини, мы так же видим её глазами лирического героя: «Недотрога, тихоня в быту, / Ты сейчас вся огонь, вся горенье...» [16, с. 77]. Герою хочется сохранить столь необычное состояние героини и сделать это можно лишь посредством творчества: «Дай запру я твою красоту / В темном тереме стихотворенья» [16, с. 77]. Терем – достаточно частотный элемент сказочного сюжета (царевна, запертая в тереме – традиционный сказочный мотив). Но если сказочный герой призван освободить запертую в тереме царевну [19, с. 136–138], то герой Пастернака сам «запирает» возлюбленную, стремясь сохранить дорогой ему облик, об этом эффекте см. подробнее [7, с. 83, 315].

Если лирический герой стихотворения Н.С. Гумилёва «Жираф», пытаясь развлечь любимую, рассказывает ей о далёком, неведомом, почти сказочном мире («далёко, далёко, на озере Чад»), то пастернаковский герой показывает героине, как может преобразиться обычный, предметный мир (своебразным «катализатором» процесса становится электрический свет): «Посмотри, как преображена / Огневой кожурой абажура / Конура, край стены, край окна,/ Наши тени и наши фигуры» [16, с. 77].

В четвёртой строфе лирический герой Б. Пастернака вновь фиксирует внешние проявления переживаемых героиней эмоций: «...Слишком грустен твой вид...» (эта строка напоминает начало гумилёвского «Жирафа»), а в finale строфы появляется мотив слова: «Разговор твой прямой безыскусен» [16, с. 77]. Потом герой «пересказывает» размышления героини и соглашается с ней: «Пошло слово любовь, ты права». Мысль о «пошлости» (непригодности, несостоятельности) слова «любовь» позволяет герою задуматься о возможности полного переназывания мира: «Пошло слово любовь, ты права, / Я придушаю кличку иную. / Для тебя я весь мир, все слова, / Если хочешь, переименую» [16, с. 77].

Мотив переименования мира ради любимой имплицитно присутствует и в гумилёвском «Жирафе»: лирический герой Гумилёва выбирает для характеристики описываемого животного необычный («неподходящий») эпитет «изысканный», а в процессе рассказа старается не использовать существительное «жираф». Герой Гумилёва прибегает к подобному «переназыванию» для того, чтобы утешить и развеселить героиню, чтобы поделиться с ней своим «африканским» («сказочным») миром. Герой Пастернака собирается переназывать все элементы мироздания для того, чтобы вернуть привычному миру его истинный облик, ведь именно этого хочет возлюбленная героя.

Идея переименования позиционируется уже в оригинальном названии стихотворения Б. Пастернака, «Без названия». Подобное заглавие свидетельствует о том, что ни одна вещь в мире ещё не обрела истинного (достойного себя) имени, герой лишь собирается переназывать мир. Примечательно, что стихотворение «Без названия» – один из первых текстов поэтической книги «Когда разгуляется», таким образом вся книга должна являть собой пример «переназванного» (преображенного) мира.

Проблема поиска нового поэтического языка, желание выработать (создать) наиболее адекватную словесную форму для описания сложного мира и сложных эмоций, переживаемых современным человеком, занимали представителей всех литературных течений, существовавших в России в начале XX в. Особенно активно языковыми экспериментами занимались поэты-футуристы, а Б. Пастернак дебютировал в литературе в составе футуристической группы [8, с. 379–380, 442–483; 11, с. 50; 17, с. 203–205]. Нетрудно предположить: работая над книгой «Когда разгуляется», Пастернак вспомнил свой юношеский опыт (ведь параллельно с написанием новой книги, поэт готовил к переизданию свои ранние произведения [17, с. 627–628]).

Но для того, чтобы в стихотворении «Без названия» мир обрёл свой настоящий облик, подлинный облик должна обрести героиня, ее внешний вид должен в полной мере отражать ее внутреннее состояние, к чему и призывает возлюбленную лирический герой: «Разве хмурый твой вид передаст/Чувств твоих рудоносную залежь, / Сердца тайно светящийся пласт? / Ну так что же глаза ты печалишь?» [16, с. 77]. И если лирический герой стихотворения Гумилева терпит неудачу (он не утешил любимую женщину), то в стихотворении Пастернака ситуация складывается более оптимистично: «он» и «она» понимают друг друга и в равной мере стремятся к преображению мира.

Итак, в обоих случаях (и у Гумилёва, и у Пастернака) лирические герои пытаются переназывать (т.е. преобразить) мир (такое преображение задумано ради возлюбленных). Идея преображения мира присутствует уже в оригинальных (нестандартных, нетипичных) названиях текстов: у Пастернака она позиционируется открыто, эпатажно («Без названия»), у Гумилева название (экзотическое, редко используемое в русской поэзии слово «жираф») обретает дополнительные семантические коннотации, связанные с проблематикой преображения, благодаря соотнесению с текстом стихотворения: герой старается не называть жирафа жирафом, тем самым создавая для любимой некое необычайное (новое, «сказочное») животное.

Литература

1. Баскер М. «Далекое озеро Чад» Николая Гумилёва (к эволюции акмеистической поэтики) // Гумилёвские чтения: Материалы междунар. конференции филологов-славистов. СПб.: Издательство гуманитарного университета профсоюзов, 1996. – С. 125–137.
2. Богомолов Н.А. Николай Гумилев // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Книга 2. ИМЛИ РАН. М.: Наследие, 2001. – С. 466–500.
3. Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. Писатель, 1988.
4. Девятова Н.М. Предметный мир сравнения // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. №2 (46). – С. 48–58.
5. Девятова Н.М. Птица как образ русского сравнения // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке: Коллективная монография. М.: Книгодел; МГПУ, 2019. – С. 349–354.
6. Жолковский А.К. Поэтика за чайным столом и другие разборы. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
7. Жолковский А.К. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
8. Иванов Вяч. Вс. Пастернак. Воспоминания. Исследования. Статьи. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015.
9. Ивинская О.В. В плену у времени: Годы с Борисом Пастернаком. М., 1972.
10. Исропова Ф.Х. Металирика в смене художественных парадигм: монография. М.: Издательство Буки Веди, 2015.
11. Казмирчук О.Ю. Стихотворение Б.Л. Пастернака «На пароходе» в контексте символистской и футуристической поэтики // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. №4 (48). – С. 49–58.
12. Магомедова Д.М. Филологический анализ лирического стихотворения. М.: Издательский центр «Академия», 2004.
13. Н.С. Гумилев: pro et contra: Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитарного института, 2000.
14. Орлицкий Ю.Б. Вертикальная композиция лирики Геннадия Айги // Новое литературное обозрение. 2024. № 5. – С. 111–125.
15. Орлицкий Ю.Б. Заглавие // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 73–74.
16. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений. В 5-ти томах. Т. 2. М.: Худож. лит., 1989.
17. Пастернак Е.Б. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М.: Советский писатель, 1989.
18. Полушин В.Л. Николай Гумилев: Жизнь расстрелянного поэта. М.: Молодая гвардия, 2006.
19. Пропп В.Я. Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: «Лабиринт», 1998.